

Андрей Кузечкин

Форт Данко

ФТМ

Андрей Кузечкин

Форт Данко

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48796259
ISBN 9785446734863

Аннотация

Прошёл год с момента начала нашествия зомби. Группа подростков во главе с двумя бывшими военными держит оборону в Форте Данко – бывшем военно-патриотическом лагере, а ныне – маленьком тоталитарном государстве, живущем по армейским законам. Но жёсткая дисциплина – это не самое страшное...

Содержание

Пролог. Бригадир	4
Кант. День 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Андрей Кузечкин

Форт Данко

Пролог. Бригадир

Общежитие легко было найти. Оно стояло на отшибе, в зоне пешей досягаемости от фабрики.

Тот, кого называли Бригадиром, приказал водителю остановиться.

Высунулся из окна машины. Поднял бинокль.

Пять этажей. На окнах первого этажа – решётки. Балконы расположены высоко над землёй. Вход всего один: бронированная дверь, домофон. Наверняка есть и служебный вход, но и там всё надёжно. Сделано всё, чтобы ухажёры из посёлка ночью к ткачихам не пролезли.

Бригадир долго рассматривал здание, хотя ему сразу стало понятно, что оно заброшено. При желании обитательницы могли превратить его в неприступную крепость, но, видимо, предпочли сбежать. Тяжёлую дверь распахнули, припёрли кирпичом, чтобы не мешала узлы с вещами выносить, да так и оставили. Окна кое-где распахнуты, попадают и разбитые. На балконах висят пожухлые обрывки забытого год назад белья.

– Ну чё, заходить будем? – спросил один из пацанов, си-

девших сзади.

– Не. Тухляк, – мрачно ответил Бригадир.

...Первым делом они, конечно, заехали в райцентр. Проехали через весь город, медленно, как на демонстрации, да ещё и музыку громко включили. Если есть кто живой – выйдет, отзовётся. Никто не вышел.

Найдя в городской администрации подробную карту района и изучив её, он сразу решил: если где и искать – то прежде всего, здесь. В посёлке с ткацкой фабрикой и большим женским общежитием.

Свою «бригаду» он разбил на маленькие группы по две машины. Сам поехал сюда, остальных отправил обшаривать деревни. Велел не филонить и не торопиться. Времени хватало. До прихода орды оставалось не меньше недели.

Теперь нужно было лишь дожждаться остальных. Так и придётся ехать дальше с пустыми руками.

Бригадир был уже не молод. Когда-то давно, жизнью пять назад, он держал видеосалон, который для местного криминалитета был чем-то вроде светского салона. Конечно, контингент котировал крутое криминальное кино. Регулярно заказывали «Лицо со шрамом» и «Крёстного отца», но иногда просили и что-нибудь попроще, чисто для разгрузки: эротику и боевики. Хорошо шёл «Безумный Макс», со всеми его погонями на мотоциклах, и другие фильмы, снятые на тот же сюжет: наступил конец света, выжившие сражаются за ресурсы. За топливо, за еду, за чистую воду, за пригодную

для жизни почву.

Ну вот он и взаправду настал, этот конец света. И что? Запасы-то никуда не делись. Бензином хоть залейся, жратвы на складах столько, что за всю жизнь не сожрёшь. А сожрёшь, так пожалуйста: в озёрах рыбка плещется, которую выловить, кроме тебя, некому, в заброшенных садах яблоки под тяжестью плодов гнутся, коровы одичалые тут и там бегают...

Те, кто эти фильмы про конец света снимал, не учли простого принципа: меньше народа – больше кислорода. Когда большая часть населения вымрет, выжившим делить будет нечего.

Кроме одного.

Это он только в одном фильме видел. Фильм был странный, чёрно-белый, и там никто не разговаривал – после катастрофы все говорить разучились. Бригадир этот фильм больше не включал. Забыл даже, как называется. А ведь там всю правду показали. После мировой катастрофы самым ценным сокровищем будут бабы. И пусть они сколько угодно талдычат о равноправии, о том, что они тоже люди: как только цивилизация рухнет, будет, как в пещерные времена: кто сильней, того и бабы. А баб будет меньше, чем мужиков. Гораздо меньше.

За последний год Бригадир ещё ни одной не видел, хотя объездил десятки городов и деревень.

Мужики попадались, да, и только в глухой местности. Ис-

тория каждый раз одна и та же: как только началась вся эта свистопляска с ожившими мертвяками, человек спокойно взял оружие и снаряжение, ушёл подальше от людей и жил потом бродягой, перебираясь с места на место. Так и выжил. Это, в основном, были опытные охотники, бессемейные, привыкшие заботиться только себе. Те, кто держался за семью – в конце концов, погибали.

Всем, кого находили – предлагали вступить в АНР. Чаще всего, соглашались. Надоело в одиночку куковать-то. А если отказывались, так и не жалко. Их не наказывали – просто забывали сказать о том, что с юга идёт орда. Нравится выживать в одиночку – на здоровье.

Несмотря на бесплодность поисков, Бригадир рук не опускал.

Он хотел занять место в совете АНР, куда его не пускали. Авторитета не хватало. Даже прозвище «Бригадир» не относилось к его заслугам перед криминальным миром: во время короткой комсомольской юности успел поработать на стройке.

Посмотрим, что будет, когда он обеспечит весь совет бабами... Устроит им личную жизнь, как говорится. И себе заодно.

У Бригадира эта самая личная жизнь никогда особо не ладилась. По молодости девушки его не замечали. Другие пацаны ему объяснили: любовь стоит денег. Девушки уважают крутых, руби зелень!

Сперва этот закон мироздания показался Бригадиру несправедливым, но закон есть закон. Так он и занялся бизнесом, а где бизнес – там и криминал.

Друзья не соврали. Появились деньги – появились и бабы. И всё было нормально вплоть до того момента, когда Бригадир притащился на встречу выпускников, с единственной целью: похвастаться, кем стал. Узнал, что первая красавица класса вышла замуж за соседа по парте, который работает простым врачом, как и она – теперь эти двое выглядели вполне счастливой парой и на Бригадира посматривали без зависти. С опаской – да. Бандит, всё-таки.

Бригадир тогда подумал, что чего-то, наверное, недопонял в этой жизни.

И вскоре убедился в этом ещё раз. Наступили новые времена: теми, кто не успел легализоваться, занялись всерьёз. Вскоре Бригадир потерял всё, что имел – включая женское внимание, а потом и вовсе отправился в места не столь отдалённые. Которые, впрочем, оказались достаточно отдалёнными, чтобы спасти ему жизнь во время эпидемии.

На зоне он узнал от бывшего подельника, что их обоих сдала любовница – как выяснилось, одна на двоих. Бригадир окончательно убедился, что всё зло – от баб.

Поймать бы сейчас хоть одну... А лучше не одну. И всё им припомнить. И никто его не остановит, потому что закона нет. Он сам теперь закон.

Но бабы сделали самую подлую вещь, на которую были

способны.

Взяли, да и вымерли.

– Внутрь не полезем, – распорядился Бригадир. – Подъедем да побибикаем, для очистки совести. Если вдруг есть кто живой – высунется.

Подъехали. Побибикали.

На балкон тут же кто-то выскочил и замахал руками.

Бригадир снова схватился за бинокль. Присмотревшись, выругался.

Опять мужик. Точнее, парень лет семнадцати. Крупный, как медведь.

Лицо его – широкое, простецкое – показалось Бригадиру знакомым...

Кант. День 1

– Человек! Там живой человек!

Я кричал и не верил своим словам. Будто кто-то выплёвывал слова вместо меня. Кто-то, кто тоже видел этого человек, шагавшего по жёлтой проплешине дороги прямо к воротам Внешнего Периметра.

Издали я не видел лица незнакомца, но точно знал, что это живой, а не гнилой. Гнилой не смог бы идти так быстро и уверенно, тем более – катить велосипед, держа его за руль.

Снизу уже неслись вопли:

– Кант, чего там, чего там?

– Человек там! Сюда идёт! Зовите Фёдор Палыча!

Человек остановился, увидев меня на вышке. Помахал мне рукой.

Кажется, совсем пацан. Не старше меня. Волосы длинные, до плеч. Камуфляжная куртка.

Точно живой. Я помахал в ответ и стал спускаться.

Не успел спрыгнуть со ступенек, как Фёдор Палыч схватил меня за ворот:

– Чё за шум, салабон? Чего там?

– Че... ловек, – я аж заикнулся.

– Точно? – Фёдор Палыч быстрым шагом преодолел расстояние между вышкой и воротами. Подошёл к калитке, припал к смотровой щели. Я стоял рядом, почему-то затаив ды-

хание.

– Точно... – сдавленно произнёс Фёдор Палыч, но тут же вернул себе командирский тон. – Так, салаги, я не понял, чё стоим? Яник, Барсук – по моему сигналу откроете ворота. По моему сигналу, я сказал! – рывкнул он, хотя Яник с Барсуком стояли, как столбы, даже не думая трогать засов.

Ребята в шоке. Первый живой за год, всё-таки.

Командир вынул из кобуры ПМ.

– Ждём... ждём... – бормотал он, не отрываясь от смотровой щели. – Давайте!

Раз – открыли засов. Два, три – распахнули створки. Четыре – путник, сообразив, что промедление смерти подобно, вбежал на территорию, заодно вкатив и велосипед. Пять – ворота закрыты. Шесть – задвинут засов.

Вот и вся операция.

Мы пялились на гостя и молчали. Тот спокойно огляделся по сторонам. Увидев шестерых парней примерно своего возраста или чуть младше и взрослого мужчину лет тридцати с суровым лицом, сразу опознал главного и обратился к нему:

– Здравствуйте, сударь. – Прозвучало как беззлобная подколочка. Потом – ко всем нам: – Добрый день!

Голос звучал абсолютно невозмутимо, будто он каждый день живых видит.

Окинув гостя взглядом, Фёдор Палыч в меру приветливо, но грубовато, чтобы не терять имиджа, произнёс:

– Здравия желаю! И не сударь, а товарищ командир. Вам,

молодой человек, я попрошу пройти со мной. – После секундной паузы он пояснил: – Для установления личности.

– А хлеб-соли не будет? – поинтересовался парень.

За спиной у Фёдор Палыча кто-то фыркнул. Командир тут же обернулся и, не найдя виновного, на всякий случай отвесил затрещину Дятлу.

– Я два раза не повторяю, – мрачно произнёс Фёдор Палыч, повернувшись к гостю.

Тот пожал плечами:

– Да не вопрос, – он приставил велосипед к забору.

– Шагай вперёд! – распорядился командир.

Они двинулись к кухне.

– Чиканутый какой-то... – пробормотал Дятел, потирая затылок.

– Ты бы там, снаружи, с годик поторчал – я б на тебя посмотрел... – возразил Ефим.

– Чиканутый бы там не выжил... – добавил рассудительный Барсук.

– Эй, Кант! – это Фёдор Палыч крикнул. – Дуй сюда!

Я бегом припустил к командиру.

– С нами пойдёшь. Ты ж его засёк... Дятел, а ты дуй на вышку!

* * *

В домике-кухне есть маленькая комнатка без окон. Здесь

хранится кое-какой инвентарь.

Фёдор Палыч недружелюбно подтолкнул гостя в спину, заставив войти. Жестом указал на табуретку. Сам притащил стул и уселся на него, уложив руки на спинку стула. А голову – на руки. Как следователи в кино.

Алик неторопливо снял небольшой рюкзак и уселся. Видно было, что расслабился. Оно и понятно – наверное, впервые за год почувствовал себя в безопасности.

Это он ещё Фёдор Палыча не знает. И не понимает, куда попал.

– Ну что, будем знакомы? – спросил командир. – Я Фёдор Палыч.

– Алик, – ответил гость, равнодушно рассматривая полки с инструментами.

– Смотреть на меня!

– Если вы настаиваете... – Алик пожал плечами.

– Сколько лет?

– Семнадцать.

– О, скоро в армию.

– В какую армию? – поинтересовался Алик.

– Не умничай мне тут. Государство восстановим – будет тебе и армия, и всё. Откуда сам?

Алик сказал.

– Это где? – уточнил Фёдор Палыч.

Алик сообщил.

– Далековато... И ты что же, целый год по стране коле-

сишь?

– Пришлось.

– Понятно, что пришлось... А когда всё это началось, ты где был?

– На озёрах. Люблю природу.

– В поход, стало быть, ходил... наш человек, – Фёдор Палыч стал чуть менее суровым. – Куртку сними. И майку тоже.

Под майкой у Алика оказалось худое, мускулистое тело, покрытое странными татуировками – какими-то эзотерическими узорами. Я украдкой смотрел на Фёдор Палыча – тот, кажется, не знал, как реагировать на эту «роспись», поэтому сделал вид, что ничего не заметил.

– Тебя кусали? – спросил командир.

– Ну я бы здесь не сидел, если бы укусили.

– Мало ли, может, у тебя иммунитет. Ладно, вижу, что не кусали. Рюкзак открой и на пол вывали.

В рюкзаке, на первый взгляд, не нашлось ничего особенно интересного. Так – термос, фонарик, спички, лапша быстрого приготовления, бинокль – стандартный походный набор. Лишь потом я заметил коротенькую трубочку с дырочками. Флейта, что ли?

– Где твоё оружие? – спросил Фёдор Палыч.

– Лишняя тяжесть. Зомби медленные, от них всегда убежать можно...

– Так! – рявкнул командир. – Мы здесь говорим: «гнилые». Это слово на букву «з» забудь, здесь тебе не кино.

– Как скажете.

– Без оружия, значит, путешествуешь. А если гнилой из-за угла навалится – что будешь делать?

– Если только в городе. А в города я не суюсь.

– Вот и правильно. Всё гнильё – в городах. Чем дальше ты от цивилизации – тем спокойнее. Живых встречал?

– В первые месяцы – часто. Хотя... ну как встречал. В деревнях люди в домах запирались и никого не пускали. «Мой дом – моя крепость». Даже стреляли в меня. Но это прошлым летом было. А в это лето уже никого не встречал. Мёртвые деревни.

– Что и требовалось доказать, – произнёс командир с удовлетворением. Кажется, он окончательно потеплел к нашему гостю. – В одиночку можно выжить, только если постоянно перемещаться в пространстве. А чтобы выжить в каком-то одном месте, коллектив нужен. Дружный, сплочённый. В общем, боец, добро пожаловать в Форт Данко.

Фёдор Палыч встал и протянул Алику руку.

– Форт Данко? – Алик поморщился – рукопожатие оказалось слишком крепким.

– Раньше это был военно-патриотический лагерь «Данко». А теперь – просто форт.

– Так понимаю, когда эпидемия началась, у вас тут была смена?

– Схватываешь. Ладно, боец, иди к пацанам, они тебе объяснят, что тут у нас как. Кант, проводи.

Командир вышел.

Алик принялся одеваться.

– Он тут главный, что ли? – спросил он, не глядя на меня.

– Нет. Не он. Есть ещё Егор Семёныч. Но он редко до нас снисходит... Кстати, я Кант.

Алик пожал мне руку:

– Кант? Как философ?

– Да. Это Егор Семёныч сказал, что я философ Кант. Я просто сказал, что после школы хочу на филфак поступать, а он не понимает разницу между словами «философ» и «филолог». А вообще фамилия у меня Канторов.

Мы засмеялись.

Алик собрал волосы в хвост, перетянул резинкой, потом уселся на пол в позу лотоса и стал собирать вещи обратно в рюкзак.

– Смотри! – продолжал я. – У нас тут два периметра. Внешний и внутренний. Нас тут четырнадцать парней. С тобой вместе – пятнадцать. Живём в бараках. Ещё кухня есть, где мы сейчас находимся, баня и отдельный спортзал. Есть Внутренний Периметр – там живут Егор Семёныч и Фёдор Палыч, в отдельном доме. Нам туда запрещено входить. Фёдора Палыча будешь часто видеть. Егора Семёныча – изредка. И поверь, чем реже ты его видишь, тем лучше.

– То есть, ваш главный сидит целыми днями там, за забором, и не выходит? И чем он там занимается?

– Чем надо, тем и занимается, – я понизил голос. – Вот

сейчас, Алик, слушай, что я скажу, и запоминай. Это очень серьёзно. У нас тут три правила. Нельзя ослушаться командира. Нельзя обсуждать то, что происходит за Внутренним Периметром, а тем более, пытаться проникнуть туда. Нельзя нарушать дисциплину. Нарушишь правило – можешь сразу же оказаться снаружи... Или где похуже.

– Не знаю, что может быть хуже, – Алик громко застегнул «молнию» рюкзака и вскочил. – Вообще, я, пожалуй, тут проживу какое-то время. Надоело кочевать. Так что, правила я запомнил, окей. Нельзя – значит, нельзя. Чем вы тут вообще занимаетесь?

– Живём. Тренируемся. Иногда делаем вылазки к ближайшим деревням. Жрать-то чё-то надо. А там в подвалах целые залежи: грибочки, огурчики, картошечка. Если магазин удаётся найти и бомбануть – так это праздник! Гнилых там почти нет... ну, ты сам знаешь. Пошли, с остальными познакомлю.

Снаружи, у порога кухни уже собрались все наши. Кроме Дятла, который по-прежнему был на вышке.

К Алику тут же кинулись со всех сторон. Жали обе руки, хлопали по плечам. Спрашивали наперебой:

– Ну как там? Гнилых мочат уже или нет?!

– Живых много видел?

– А ты был в Матухинске? У меня там мама с папой...

Барсук, обычно спокойный и неторопливый, растолкал остальных и крикнул:

– Всё, ша! Дайте человеку отдохнуть с дороги. Целый год сюда добирался.

– Ну и чё? Год терпел – пусть ещё десять минут потерпит, – тут же встрял Малюта. Ему лишь бы Барсуку поперёк сказать.

Тишина. Дуэль взглядов.

В коллективе двух лидеров быть не может, но у нас именно так. Точнее Малюта мечтает стать самым главным после командиров, а Барсук ему мешает, просто фактом своего существования. Как-то раз, ещё до эпидемии, Малюта спровоцировал его на драку, которая выявила полный паритет сторон.

Малюта – редкостный неадекват. Барсук – спокойный и даже мудрый, но лидерства ему не нужно, он просто хочет мирной жизни. Но её не будет, пока Малюта рядом. Соответственно, все более-менее нормальные парни – за Барсука, а хулиганье – за Малюту. Так и живём. К счастью, нас больше, хотя и ненамного.

Кажется, Алик понял ситуацию и тут же предложил компромиссный вариант:

– А давайте поужинаем? И поговорим заодно. А то я сегодня даже не завтракал.

– До ужина ещё сорок три минуты. Но вообще, можно, ради особого случая, – сказал Барсук. – Всё, мужики, банкет в честь новичка!

Всей толпой ринулись на кухню. Оперативно сварили ма-

кароны с грибами.

Алика усадили в центр, окружили со всех сторон и потребовали рассказать его историю. Он смог лишь повторить то, что уже сообщил Фёдор Палычу.

Был в лесу, жил в палатке, один, без телефона и других благ цивилизации. Ну он и маньяк... в смысле, конечно, молодец. Удачно получилось. На исходе второй недели отправился в ближайшую деревню, какую-то мелочь купить, но во всей деревне никого не было – пустые дома, распахнутые двери, разбросанные вещи. Люди куда-то удрали, причём явно в спешке. Алик решил, что началась война. Подобрал чей-то брошенный велосипед, он поехал в райцентр, там увидел гнилых и быстро всё понял. Раздобыл себе карту и стал ездить по сельской местности, от одной деревни к другой. Где-то находил живых людей, но ни с кем не нашёл общего языка, так и путешествовал в одиночку. Пару раз видел в небе военные самолёты, даже слышал грохот бомбёжки где-то далеко, но военных не встречал.

Ближе к холодам отыскал на берегу водохранилища маленькую туристическую базу, брошенную в первые дни эпидемии, там и перезимовал. Дров и еды хватило. Гнилые сюда не добрались: зима выдалась снежной, намело огромные сугробы.

Весной, когда природные бастионы растаяли, Алик отправился искать выживших. В деревнях уже никого не было – ни живых, ни гнилых. Однажды Алик осмелился подобраться к

небольшому городу и осмотреть его в бинокль, забравшись на холм. На площади он увидел толпу, издалека похожую на скопище муравьёв: никто из гнилых не стоял на месте, все куда-то шагали с непонятной целью, при этом не сталкиваясь друг с другом, и с площади никто не уходил. Алик, как замороженный, наблюдал за этой сценой не меньше получаса – она напоминала странный, хорошо отрежиссированный танец.

Алик пришёл к выводу, что гнилые – стадные существа. Увидят стаю себе подобных – примыкают к ней. «Мозгов у них ноль, но есть какая-то генетическая память или инстинкт. Поэтому из деревень они идут в города, там и остаются, вместе с тысячами других».

На Форт Данко наш новичок наткнулся случайно. Просто увидел издалека дым из трубы. Во Внутреннем Периметре топили баню...

Нам, в свою очередь, нечего было особенно рассказать. Некоторым из нас (меня среди них не было) удалось протащить в лагерь телефоны, хотя правилами это запрещалось. Мобильная связь в этих краях ловилась так себе, а интернет – и того хуже, но нам хватило. Так что об эпидемии мы узнали быстро. Во всех соцсетях выкладывали фото и видео, все сайты с новостями вели прямые трансляции, там же появлялись всякие официальные заявления и инструкции. Гражданам предлагалось срочно покинуть очаги заражения и проследовать в зоны эвакуации. Если нет такой возможно-

сти – запереться в домах, забаррикадировать все входы, заколотить окна и не вступать в контакты с другими людьми – просто ждать благополучного разрешения ситуации.

У нас, конечно, была дикая паника. Почти все тут же стали рваться домой, к родителям. командиры успокоили народ тумаками, а Фёдор Палыч даже вытащил карабин и разок пальнул в воздух. Потом спокойно объяснил, что самое безопасное – оставаться здесь, за высоким забором, который позже получил гордое имя Внешний Периметр, и ждать эвакуации. Тем из нас, кто смог дозвониться до своих, слышал от родителей и друзей то же самое: повсюду хаос и кровища, сидите и не высывайтесь. Вскоре и сотовая связь пропала, а с ней и интернет. И вот мы уже оторваны от цивилизации – кучка Робинзонов за забором.

Осенью, когда стали кончаться припасы, мы решились на первый рейд. Вскоре вылазки стали регулярными. Жизнь устаканилась.

Гнилых мы встречали редко, поэтому ни в одном рейде никто из наших не погиб. А до Форта Данко гнилые за весь год добирались только четыре раза. И каждый раз дозорному на вышке удавалось увидеть незваного гостя издалека.

Гнилой шагает, не разбирая дороги, сквозь высокую траву: медленно, пошатываясь, как пьяный. Случайно приблизившись к Периметру на достаточное расстояние замирает на одну секунду, потом резко меняет траекторию и целенаправленно движется к забору. Живых учуял.

Исход каждой встречи был одинаков. Фёдор Палыч командовал открыть ворота, а затем убивал гнилого прицельным выстрелом в голову, как учили в тех же инструкциях для населения. В первый раз – из карабина, затем стал использовать пистолет застрелившегося участкового, найденного в селе Варварино.

Гнилого мы потом оттаскивали в овраг, куда сбрасывали весь наш мусор, обливали бензином и поджигали. Усатый мужик в телогрейке, маленькая старушка, здоровенный деревенский парняга и совсем уж необычный персонаж – бородач в странном балахоне (сектант?). Нам очень повезло, что гнилые приходили к нам по одиночке. Уж не знаю, как бы мы справились даже с двумя. Фёдор Палыч считает, что каждого гнилого, кто добрался до Форта, надо обязательно уничтожить – чтобы других не привёл. Да и нервно это, когда мертвяк поблизости бродит. Лучше сразу его успокоить.

...За разговором мы успели хорошенько пожрать. Мотя, в этот день дежурный по кухне, вытащил из заначки «чекушку»: всем по чуть-чуть в честь праздника! А это был настоящий праздник. Впервые за год.

Хой приволок гитару, а Алик вытащил из рюкзака ту самую дудочку и принялся на ней наяривать, и не просто ноты играть, а ещё и битбоксить при этом. Все захлопали в такт и заулюлюкали...

– Так, салаги, что это у вас тут? Отмечаете? – раздался голос командира.

Тут же наступила мёртвая тишина.

Полюбовавшись на застывших парней, Фёдор Палыч рас- смеялся:

– Отмечайте. Егор Семёныч дозволил. Значит, так. Завтра идём во внеочередной рейд. Деревня Мусихино. Три часа в одну сторону, кто забыл. Есть желающие?

Вот это было неожиданно.

У рейда свои правила. Едут всегда пятеро, за рулём ко- мандирского УАЗика – всегда Фёдор Палыч. Остальные хо- дят в рейд по очереди. Исключений ни для кого не делает- ся. Список участников каждого рейда составляется заранее. «Есть желающие» – это на моей памяти впервые.

– Я первым по-любому Алика пишу, – сказал командир. – Посмотрим, на что ты сгодишься.

Теперь понятно, в честь чего внеочередной рейд. Новичок должен оправдать оказанную ему высокую честь стать одним из нас... или как-то так.

Я поднял руку. Впрочем, Малюта меня опередил. Малюта хватается за каждый шанс встретиться с гнилыми и уничто- жить парочку.

Подняли руки и все остальные, кто Малюту поддержива- ет. Рейд – это здорово. Можно что-то интересное найти и протащить за периметр, если командир разрешит, а нет – так контрабандой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.